

— Как это всё ещё алкоголь?

Только теперь он внимательно посмотрел на стол и, боже мой, все бутылки на столе оказались спиртным! Чайник стоял где-то с краю!

Бай Ихань любил развлекаться, но его выносливость к алкоголю была крайне низкой, он буквально валился с ног после одного бокала. Обычно, когда он выходил гулять, никто не решался наливать ему больше, но на этот раз он выпил столько, что голова уже кружилась. Внутренний голос в его голове кричал: «Боже, дай мне переродиться снова, я опозорился перед Му Цзиньюанем!»

Му Цзиньюань прекрасно знал, сколько Бай Ихань может выпить. Увидев, как тот снова выпил большую порцию, его взгляд стал пустым, и он лишь с улыбкой сказал:

— Ладно, я помогу тебе помыться, а ты иди спать.

Бай Ихань, уже под действием алкоголя, с трудом соображал, но уловил ключевое слово «мыться». Он резко отпрянул назад и громко закричал:

— Нет, не нужно, я сам справлюсь!

Му Цзиньюань слегка помрачнел:

— Почему не нужно? Я ведь уже помогал тебе раньше.

— Это было другое! — возразил Бай Ихань.

Му Цзиньюань сделал шаг вперёд:

— Что именно другое?

Бай Ихань, подумав, с обидой ответил:

— Раньше я был чистым, а теперь я грязный, и тебе не стоит это видеть.

Му Цзиньюань не понял, неужели он не мылся вчера? Он сделал ещё шаг:

— Именно потому, что ты грязный, тебе и нужно помыться.

Бай Ихань схватился за волосы и начал бессвязно качать головой:

— Не отмыть, не отмыть... Столько людей, так грязно... Не отмыть...

Му Цзиньюань не понимал, о чём он говорит, но не мог смотреть на его страдания. Он шагнул вперёд и обнял его:

— Ладно, ладно, не будем мыться, всё хорошо, малыш.

Услышав слово «малыш», Бай Ихань начал кивать:

— Я хороший, я послушный, не бросай меня.

Сердце Му Цзиньюаня сжалось от боли, и он невольно поцеловал его в лоб:

— Как я могу тебя бросить? Тебе не нужно быть послушным, я никогда тебя не оставлю.

Бай Ихань, чьи эмоции уже были на пределе, начал тихо плакать:

— Ты обманщик, я тебе не верю. Через год с небольшим ты уйдёшь и больше не вернёшься. Другие будут ругать меня, а ты не заступишься, будут бить, а ты не защитишь. Я умру, и ты будешь рад? Я больше не буду тебя беспокоить, ты сможешь быть с сестрой, а я умру и больше не буду вам мешать.

Взгляд Му Цзиньюаня стал острым, его аура изменилась, он строго сказал:

— Что за глупости ты говоришь? Почему ты постоянно упоминаешь смерть?

Бай Ихань вздрогнул и тихо пробормотал:

— Я ведь уже умер. Все говорят, что я дурачок, но я умный. Я обманул того полицейского, и он выстрелил сюда. — Он указал на своё сердце и хихикнул. — «Бах!» — и я умер. Умереть хорошо, ведь тогда я вернулся, всё стало как раньше. Папа и мама больше не злятся на меня, старший брат и сестра снова общаются со мной, а ты не ушёл. Я так счастлив.

Глаза Му Цзиньюаня сузились, кровь прилила к лицу, и он дрожал от услышанного. Почему его малыш говорит такие страшные вещи? Почему он говорит, что уже умер? Это как нож в сердце!

Он был любимцем всей семьи, почему он говорит о себе как о несчастном? Что произошло? Кто его обидел? Когда родители на него злились? Когда Бай Янь и Бай Сюэцин перестали с ним общаться? Кто заставил его думать, что он позволит другим ругать и бить его? О чём он говорит? Когда это случилось? Во время его двухнедельной командировки? Что произошло?!

Выражение лица Му Цзиньюаня стало зловещим, в его глазах бушевала буря, а рука, державшая руку Бай Ихань, сжалась сильнее.

Бай Ихань съёжился и тихо застонал:

— Больно...

Но не сопротивлялся.

Му Цзиньюань очнулся и сразу отпустил его. Малыш явно был пьян, и, как говорят, пьяный говорит правду. В прошлый раз тётя Бай сказала, что Ханьхань увидел кошмар и стал более осознанным. Может, это было содержание его сна? Чёрт возьми, почему его Ханьхань увидел такой страшный сон?

Он начал сожалеть, что уехал в командировку в такой момент. Его малыш явно пережил что-то серьёзное, а он, как дурак, ничего не знал!

Возможно, его отъезд после их ссоры вызвал у малыша чувство незащищённости? Но почему он подумал, что его семья, которая всегда его обожала, перестала о нём заботиться? Или... кто-то внушил ему это?

Он смотрел на покорного Бай Ихань, который, даже когда ему было больно, не кричал, а лишь тихо стонал. Сердце Му Цзиньюаня разрывалось от боли. Его маленький тигр, всегда такой дерзкий и уверенный, теперь превратился в послушного кролика. Это было непростительно!

В глазах Му Цзиньюаня мелькнул кровавый блеск, но его руки были нежны, когда он начал

расстёгивать куртку Бай Ихань, мягко говоря:

— Ханьхань, прости, я случайно причинил тебе боль. Дай мне посмотреть, всё ли в порядке? Нет ли покраснения?

Но как только он расстегнул пуговицы на его одежде, Бай Ихань вскрикнул и резко отпрянул назад, в панике забившись под стол и свернувшись в клубок. Он схватился за одежду и начал плакать:

— Не надо, пожалуйста, не надо... Убейте меня, просто убейте меня...

Му Цзиньюань оцепенел. Он застыл с вытянутой рукой, уставившись на человека под столом. В груди у него кипела ярость, и он едва сдерживал крик.

Что. За. Чёрт. Происходит?!

Он стоял на месте, тяжело дыша, закрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов, прежде чем опуститься на колени и мягко сказать:

— Ханьхань, выходи, всё в порядке. Посмотри на меня, я Му Цзиньюань, твой Цзиньюань-гэ. Ты меня ненавидишь?

Бай Ихань осторожно поднял лицо, полное слёз, моргнул, чтобы избавиться от влаги, и, увидев перед собой Му Цзиньюаня, стал ещё более обиженным. Он выполз из-под стола, бросился к Му Цзиньюаню и тихо пожаловался:

— Ты же ушёл. Ты больше не вернёшься. Зачем ты вернулся? — Он поднял голову, осторожно посмотрел на Му Цзиньюаня и, с робкой улыбкой, добавил. — Ты вернулся, чтобы спасти меня? Ты больше не злишься на меня?

Сердце Му Цзиньюаня разбивалось снова и снова. Увидев, как его малыш, которого он всегда оберегал, проявлял такую покорность, он почувствовал, как его сердце снова разлетелось на куски.

Он осторожно обнял его, поцеловал в макушку и прошептал:

— Да, я пришёл спасти тебя. Отныне я никогда не буду на тебя злиться. Пока я жив, никто не посмеет причинить тебе вред.

Бай Ихань тихо засмеялся, закрыл глаза и крепко обнял Му Цзиньюаня за талию, прошептав:

— Я знаю, это сон. Я хочу поспать подольше, чтобы ты мог побыть со мной...

Сердце Му Цзиньюаня дрожало, как желе. Он крепко обнял своего мальчика, словно хотел впитать его в себя, и низким голосом, словно давая клятву, сказал:

— Спи. Когда проснёшься, я всё ещё буду здесь. Если ты захочешь, я всегда буду с тобой.

Бай Ихань, уставший от переживаний, постепенно заснул в этом безопасном объятии.

Му Цзиньюань оставался неподвижным, держа его в прежней позе, пока тот не уснул крепко. Затем он осторожно поднял его и отнёс на кровать.

Он повернулся к шкафу, нашёл пижаму и, стараясь быть предельно аккуратным, передел его.

Во время этого процесса он даже не осмеливался смотреть на его обнажённое тело, а руки старались не касаться его нежной кожи.

Он понял, что его обычно железная выдержка перед Бай Ихань исчезла без следа. Даже просто глядя на его слегка приоткрытые розовые губы, он уже чувствовал, как внутри разгорается огонь. Он был благодарен, что малыш не позволил ему помочь с купанием, иначе неизвестно, что бы произошло.

<http://bllate.org/book/16705/1534439>